

Вячеслав ЕЛАТОВ

ПУШКИН И МЫ

Пушкин...

Пушкин и мы... Наш Пушкин... Мой Пушкин...

Каждое новое поколение и каждый новый просвещённый читатель неизменно обращаются к великому поэту в надежде найти у него решение жгучих проблем современности.

Наш Пушкин...

Ну что для нас сегодня Пушкин, которого не раз уже пытались сбросить с парохода современности? Мы ведь тоже – реалисты и прагматики – «ищем речи точной и нагой»*. Чем же подкупают нас сегодня его стихи?

Непостижимая загадка искусства, поразившая, вы помните, воображение принца датского во время исполнения бродячим актёром страстного монолога жены троянского царя Гекубы:

*Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
А он рыдает...*

Разделим с Гамлетом изумление перед захватывающей силой высокого искусства: «Что мы поэт? Что он для нас сегодня?». А мы читаем...

*Без непрямого следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.
И чьё-нибудь он сердце тронет...*

Это поразительно, но ведь звучит и не перестаёт трогать этот волшебный звукоряд во исполнение заветного желания поэта:

*И чьё-нибудь он сердце тронет;
И, сохранённая судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!*

(Евгений Онегин. Глава вторая, XXXIX – XL)

Позже, мы знаем, искромётный юмор сменяет торжественные аккорды поэтического завещания, в котором Пушкин сделает официальное заявление о своих неопровержимых заслугах перед соотечественниками:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

Отстаивая своё право на поэтическое бессмертие, среди прочих неоценимых заслуг Пушкин выделяет педагогическую направленность своего творчества. Это сегодня мы с вами изгоняем назидательность, гоним её, что называется, и в хвост и в гриву из изящного, по нашим понятиям, искусства. Пушкин же, с нескрываемой гордостью за свой подвижнический труд, декларировал благотворное воспитательное воздействие своего искусства на современников и потомков:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...
(Я памятник себе воздвиг нерукотворный...)*

Что ж, заслуга по всем временам безмерная. На эту сторону пушкинского наследия обратил внимание уже Белинский: «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нежное, благоуханное и грациозное во всяком чувстве Пушкина. В этом отношении, читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека, и такое чтение особенно полезно для молодых людей обоёго пола. Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства»**.

К сожалению, именно эта часть пушкинского наследия сегодня нами решительно отторгается.

* Юбилейное // Владимир Маяковский – стихи [Сайт]. URL: stih-rus/1/Mayakovskiy/57.htm.

** Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина: Статья пятая [Электронный ресурс]. URL: az.lib.ru/b.belinskij_w/g/text_0160.shtml.

Лихое время несчастливых манкуртов, бойких закодированных прагматиков и автоматических систем управления общественным сознанием! Веками складывавшаяся традиция воспитания обжигающим душу словом отнесена сегодня к разряду вредных заблуждений, с которыми раз и навсегда должно быть покончено. «Искусство риторики, – уверяет нас в лице Михаила Золотосова перестроившаяся общественность, – несмотря на все усилия краснобаев, уже не определяет поведения человека...»*

А Пушкин, этот неисправимый «краснобай», будоражит наше воображение образом поэта-пророка, который только после сложнейшей хирургической операции по пересадке жизненно важных органов получил от Всевышнего благословение на самоотверженный труд учителя и воспитателя:

*Встань, пророк, и виждь, и вземли,
Исполнишь волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*
(Пророк)

Великий поэт всегда был великим учителем. У Пушкина мы учимся, например, воспринимать прекрасное – там, где мы сами могли бы и не заметить его, просто пройти мимо:

*Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.*
(Осень)

У Пушкина мы учимся выражать своё восхищение естественно и просто:

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*
(Зимнее утро)

* Russia seems to have entered the post-realistic period of disbelief in doctrines. Most people don't like the idea of going to the execution block for them. The art of rhetoric, despite the rhetoricians efforts, no longer determines human conduct // Moscow News. 1996. № 32. P. 12.

И тот же Пушкин, с другой стороны, преподаёт нам урок предельно трезвой оценки окружающего:

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА.*
(Из Пиндемонти)

Отправляясь на очередной урок к Пушкину, мы не перестаём изумляться неисчерпаемости воспитательных задач, которые он ставил перед собой для достижения всё той же главной цели преподавания: чувства добрые в нас пирой пробуждать. Прилежный ученик поэта – Достоевский не ошибался, утверждая, что мир спасёт красота. Пушкинская поэзия и проза воспитывали и продолжают воспитывать в нас красоту человеческого общения. Сквозь грязь и пошлость тиражируемых сегодня сценических образов старческого маразма пробиваются к нам родниковой чистоты строки пушкинского послания няне Арине Родионовне:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.*
(Няне)

Сквозь кромешную неразбериху конкурирующих между собой сегодня бывлых друзей, приятелей и просто добрых знакомых ещё доносится проникновенная пушкинская задушевность при обращении к другу:

*Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*
(И. И. Пущину)

Олицетворением душевспасительной красоты стало для поэта лицейское братство:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

(19 октября)

Одно из самых благотворных воздействий на человеческую личность оказывает, по Пушкину, такое доброе чувство, как любовь. Любовная лирика, можно сказать, – одна из главных составляющих пушкинского педагогического наследия. Он и тут противостоит нашим новоиспечённым реалистам и прагматикам, которые не просто любят, но занимаются любовью – без божества, без вдохновенья и без самой любви.

Любовь, по Пушкину, рождает в человеке прекрасные, возвышенные чувства. Она облагораживает нас. Она ассоциируется с устремлённостью к идеалам, потребностью вдохновенного творчества, способностью на живой эмоциональный отклик и сочувствие. Любовь Онегина к Татьяне вспыхивает после того, как он вырвался наконец из пут эгоистического сознания, обрёл способность на самоотдачу и постиг наконец эту неуловимую формулу любви:

*Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!*
(Евгений Онегин. Глава восьмая)

Любовь, по Пушкину, это не только всеохватывающее, но и прежде всего самоотверженное чувство. Можно сказать, что именно самоотверженность делает любовь тем добрым чувством, которое поэт пробуждает в нас своей волшебной лирией:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.*

*Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
(Я вас любил: любовь ещё, быть может...)*

Эту формулу, мы помним, так и не сумел усвоить Алеко. Отвергнутый табором вольных цыган, осудивших его за беспредельный эгоизм и психологию собственника, он упорствует:

*Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.*
(Цыганы)

Этот образ страстного душевладельца вызвал непреодолимое отвращение у своего создателя. В день окончания поэмы Пушкин писал поэту Вяземскому: «Сегодня кончил я поэму «Цыганы». Не знаю, что о ней сказать. Она покамест мне опротивела».

Говоря о воспитывающем характере пушкинского наследия, нельзя не упомянуть произведений открыто нравоучительных, когда писатель в назидание читателю показывает духовное становление героя. Эта давняя традиция нашей литературы отмечена несомненными художественными достижениями (например, герои Толстого и Чернышевского, некрасовский Гриша Добросклонов и горьковские Павел Власов с Пелагеей Ниловной). Эта традиция была продолжена советской литературой (например, в «Разгроме» Фадеева и «Хождениях по мукам» Алексея Толстого, «Тихом Доне» Шолохова и «Стране Муравии» Твардовского). Пушкин в этой ретроспективе занимает довольно приметное место, но в начале всё-таки был не он, а его великий предшественник Александр Николаевич Радищев, который превратил жанр сентиментального путешествия в суровую жизненную школу для своего героя.

Путешествие Онегина, мы помним, Пушкин исключил из окончательной редакции романа. Оно дано в качестве приложения. Но без этого приложения Онегина не поняла бы не только Татьяна Ларина, но и читатель. Без этого путешествия мы не могли бы представить себе, как изменяется герой, как преображается, как пробуждается, как воскресает его душа.

Татьяна читает его письмо и – не понимает. Мы же читаем исключённую из романа главу о путешествии да ещё раздёрганные строки десятой

главы и понимаем: «душе настало пробужденье»! Пушкин, вослед Радищеву, заставил-таки Онегина «взглянуть окрест себя». Более того, в это отнюдь не развлекательное турне по матушке России поэт отправляет – в соответствии с жанром нравоучительного романа – и нас с вами.

Путешествие в пространстве, как это удачно осуществил в поэме «За далью – даль» Твардовский, нередко сопряжено с путешествием во времени. В сегодняшнем Нижнем Новгороде, например, мы могли бы вспомнить такую близкую по времени и такую недосыгаемо далёкую по духу советскую даль:

*Под городом Горьким,
Где ясные зорьки,
В рабочем посёлке
Подруга живёт...*

А с пушкинским Онегиным, напротив, мы возвращаемся в такую отдалённую по времени, но такую близкую нам сегодня базарную даль знаменитой Макарьевской ярмарки:

*Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привёз индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привёз свои колоды
И горсть услужливых костей...*

Интересно, были тогда напёрсточники?

*Всяк суетится, лжёт за двух,
И всюду меркантильный дух.*

Нельзя, разумеется, отождествлять век нынешний с давно минувшим, но тоска Онегина и сегодня не может не вызывать сочувствия. Скажете, что я смотрю на вещи предвзято, сгущаю краски, что такое отношение к рыночной действительности продиктовано зацикленностью «совкового» сознания. Скажете – и ошибётесь.

Как и его предшественник Радищев, Пушкин ведёт своего героя – вперёд и выше! – по пути сближения с собственным мировосприятием. Мы знаем, что Онегин, как позже и герои толстовской эпопеи, разворачивался в сторону Сенатской площади. Но и сам поэт не останавливался на пути к совершенству. Куда он шёл, к каким новым идеалам устремлялся Пушкин? От-

вет на этот вопрос мы находим в лирическом отступлении той же главы о путешествии Онегина:

*Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желанья – покой,
Да щей горшок, да сам большой.*

Мы видим, как поэт полемически заостряет наше внимание на картинах простонародной жизни, которые, кстати, мы и раньше встречали в романе; например, ставшее хрестоматийным описание прихода зимы в пятой главе:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив,
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...*

Таким отступлениям от основного действия соответствует и композиция романа: оторванному от национальных корней заглавному герою противостоит Татьяна Ларина, которая как бы вырастает из толщи народного самосознания:

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С её холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарёю поздней
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.*

Помните, как дорог был для Толстого этот штрих в обаятельном облике Наташи Ростовой? Это по-пушкински. Помните, какой СТРАННОЙ, по его собственному выражению, любовью любил отчизну Лермонтов? Это по-пушкински. Ну а если кто-то из сегодняшней интеллигенции выстраивает своё мировосприятие, ориентируясь на новоявленный элитарный бомонд, то это, кроме всего прочего, не по-пушкински.

Героя исторической повести Петра Гринёва Пушкин сводит не только с капитанской дочкой из простонародья, но и с грозным предводителем народной войны Емельяном Пугачёвым. Дворянин Гринёв симпатизировал бунтовщику: «Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком. Извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которым он предводительствовал, и спасти его голову, пока ещё было время».

Гринёв сочувствовал Пугачёву; другое дело – и Пушкин не оставляет нам ни малейшего повода для сомнения – дворянин Гринёв так и не преодолел порога своей классовой ограниченности: крестьянская война осталась для него бессмысленным и беспощадным бунтом. Это суждение по явному недоразумению нередко приписывается автору. Но это свидетельствует лишь о нашей слабой читательской подготовке. А ведь Пушкин в данном случае очень рассчитывал на грамотного читателя, по-настоящему проницательного: показывая ограниченность своего героя, он тем самым через его голову обращался непосредственно и к своим современникам, и к нам, просвещённым потомкам, людямя не XVIII, как Гринёв, века, но уже XIX и последующих веков.

Да, Пушкин намного опережал свою эпоху, ведя за собой своих героев и читателя к пониманию исторической роли народа. Россия народная, та самая Россия, которая пока ещё – по ключительной ремарке «Бориса Годунова» – «безмолвствует», эта Россия, по Пушкину, определяет в конечном счёте судьбы отечества.

Надо ли говорить, что пушкинское понимание исторического развития расходится с нашим новёхоньким – с иголки да с белой ниточкой – мышлением? Мы ведь, благодетели и

отцы родные, лучше самого народа знаем, как ему жить и трудиться, о чём ему горевать и по какому поводу веселиться.

О такой вот нашей «новой» – с длиннющей бородой – позиции хорошо сказал один из самых прилежных читателей Пушкина: «Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. О, у нас есть много знатоков народа нашего между писателями, и так талантливо, так метко и так любовно писавших о народе; а между тем, если сравнить их с Пушкиным, то, право же, до сих пор, за одним, много что за двумя исключениями из позднейших последователей его, это лишь «господа», о народе пишущие <...> В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нём почти до какого-то простодушнейшего умиления»*.

Чествовать поэта лучше всего стихами. Вот как на примере русской классической поэзии известный советский поэт удачно обозначил альфу и омегу духовных устремлений нашего, из недавнего прошлого, отнюдь не потерянного поколения:

7

*Как-то стыдно изящной словесности,
отрешённости на челе.*

*Как-то стыдно натужной небесности,
Если люди живут на земле.*

*Как-то хочется слова неспраздного,
чтоб давалось оно нелегко.*

*Всё к Некрасову тянет, к Некрасову,
ну а он – глубоко-глубоко...*

*Как-то стыдно сплошной заслезнённости,
сострадательства с нимбом борца.*

*Как-то стыдно одной заземлённости,
если всё-таки есть небеса.*

*Как-то хочется слова нескушного,
чтоб лилось оно звонко, легко,
и всё к Пушкину тянет, всё к Пушкину,
ну а он – высоко-высоко...***

г. Прокопьевск

* Достоевский // Литература в школе. 1990. № 3.

** Евтушенко Е. А. Избранные произведения: в двух томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975.